

Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.)¹

Р.Ю. Почекаев

профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук. Адрес: 190008, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16. E-mail: ropot@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается процесс включения двух среднеазиатских протекторатов Российской империи — Бухарского эмирата и Хивинского ханства — в российскую таможенную черту в 1894–1895 гг. Выявляются причины принятия российскими имперскими властями такого решения. Подробно анализируется процесс разработки включения среднеазиатских ханств в таможенное пространство Российской империи, дискуссий представителей различных министерств, центральной и региональной (туркестанской) администрации, предварительных исследований и издания соответствующих нормативных актов. Особое внимание уделяется процедуре согласования принятого решения с эмиром Бухары и ханом Хивы, поскольку они юридически продолжали считаться правителями самостоятельных государств, и изданию ими соответствующих актов, подтверждающих вхождение в имперскую таможенную систему. Исследуются меры российских властей по реализации проекта таможенного объединения России, Бухары и Хивы (создание таможенных застав, формирование таможенной стражи и пр.), а также проблемы, с которыми они столкнулись, включая «внутреннюю таможенную черту» самих бухарцев и хивинцев, увеличение числа контрабандных товаров на рынках Бухары, Хивы и Русского Туркестана и т.п. Попытки решить эти проблемы оказывались неудачными вплоть до падения Российской империи — в силу неразработанности нормативной базы, регулирующей отношений империи с ее среднеазиатскими протекторатами. Оцениваются последствия включения Бухары и Хивы в российскую таможенную черту как для самой России и среднеазиатских ханств, так и для иностранных государств (Афганистана, Британской Индии, Ирана и др.). По мнению автора, интеграция Бухары и Хивы в таможенное пространство Российской империи является очередным проявлением стремления евразийских государств, народов и регионов к экономической интеграции, проявлявшейся в разные эпохи в этом историческом регионе в самых разных формах. Она может до некоторой степени считаться прообразом современного Таможенного союза, в связи с чем изучение исторического опыта экономической интеграции на евразийском пространстве является актуальным и необходимым.

Ключевые слова

Российская империя, таможенная черта, Бухарский эмират, Хивинское ханство, внешняя торговля, таможенные сборы, протекторат.

Библиографическое описание: Почекаев Р.В. Включение бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 172–184.

JEL: K0; УДК: 340

DOI: 10.17323/2072-8166.2016.3.172.184

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-03-00322.

Активизация интеграционных процессов на евразийском пространстве в наши дни — это следствие отнюдь не только процесса глобализации, активно проявляющегося в последние десятилетия во всем мире. Изучение истории Евразии убеждает, что различные страны и народы этого исторического региона стремились к объединению (в том числе и экономическому) начиная с эпохи Древности и Средневековья. Естественно, механизмы этого объединения зависели от условий того или иного исторического периода. Например, Чингис-хану и его потомкам для безопасности трансконтинентальной торговли, развития экономических связей между Западом и Востоком потребовались кровопролитные завоевания и принудительное распространение имперской системы управления и имперского права на покоренные народы. Российское государство в XV–XVII вв., стремясь к расширению экономических связей в Евразии, также добивалось своей цели путем завоевания соседних стран либо убеждая их добровольно признать подданство.

Однако ко второй половине XIX в. международная ситуация коренным образом изменилась, в первую очередь за счет роста заинтересованности ряда мировых держав в установлении политического и экономического контроля над различными регионами Евразии. В этих условиях столь эффективный способ, как прямое военное завоевание тех или иных территорий с целью вовлечения их в экономическое пространство государства-завоевателя, перестал действовать, и Российской империи понадобились новые варианты вовлечения соседних государств в общее «евразийское» экономическое пространство. Один из таких способов — создание единого таможенного пространства между Российской империей, Бухарским эмиратом и Хивинским ханством — подробно рассматривается в настоящей статье.

В 1868 г. Россия установила протекторат над Бухарой, а в 1873 г. — и над Хивой, что закрепили международные договоры: Гандемианский с Хивинским ханством 12 августа 1873 г. и Шаарский с Бухарским эмиратом 28 сентября 1873 г. Специфика этих договоров состояла в том, что большинство их статей всего лишь предоставляло Российской империи и ее подданным экономические льготы на территории обоих ханств². Фактический протекторат России над Бухарой и Хивой в силу международной ситуации (в особенности из-за напряженных отношений с Британской империей) не был закреплён никакими юридическими актами. В результате Россия не могла официально вмешиваться во внутреннюю политику Бухарского эмирата и Хивинского ханства даже для защиты прав и интересов своих торговцев, которые были предоставлены им Гандемианским и Шаарским договорами.

Причины нарушения экономических прав и интересов России в среднеазиатском регионе возникли задолго до установления российского протектората над Бухарой и Хивой — в самом начале XIX в. Изучая внешнеэкономическую политику Российской империи, исследователи разделяют ее на два периода: первый, длившийся до середины 1870-х гг., они характеризуют как «фритредерский», а второй, начиная с 1876 г. — уже как «протекционистский»³. Соответственно установление российского протектората и заключение упомянутых договоров с Бухарой и Хивой приходится на завершающий этап периода либерального отношения к иностранным торговцам и производителям, стремившимся осваивать российский рынок. Более того, «фритредерская» политика

² Несмотря на то, что правитель Бухары официально носил титул эмира, в российской историографии и даже в официальной документации Российской империи она нередко именовалась Бухарским ханством.

³ См., напр.: *Соболев М.Н.* Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск, 1911.

российских властей, проявлявшаяся в ее отношении к внешнеторговым отношениям в целом, усугублялась также и особым отношением к торговле со странами Центральной Азии. Реализация принципа «всемерного поощрения азиатской торговли всеми способами», озвученного российскими властями в начале XIX в., привела к тому, что азиатские торговцы нередко имели преимущества не только перед другими иностранцами, но и даже перед русскими. Так, например, после подписания в 1813 г. Гюлистанского мирного договора с Персией (после войны, завершившейся победой России) персидские товары стали облагаться 5%-ным налогом, тогда как в отношении товаров из Европы таможенные сборы доходили до 25%!⁴

Этот либерализм практиковался и в отношении торговцев из Центральной Азии, поскольку еще Петр I объявил установление и развитие торговых контактов с Бухарой, Хивой, Ташкентом, Восточным Туркестаном и Индией приоритетным направлением восточной политики России, и для торговцев из этих стран и регионов был установлен режим наибольшего благоприятствования. Это прямо отразилось на уровне развития таможенного дела на азиатских границах России: состояние таможен и таможенных застав на протяжении XVIII и практически всего XIX вв. было таким, что товары из Азии попадали в Россию едва ли не полностью беспошлинно. Во многом это объяснялось тем, что таможенные посты располагались по южным границам Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств, а южнее находились «внешние округа» казахов, которые, будучи русскими подданными еще с 1730-х гг., естественно, не облагались пошлинами при ввозе в русские пределы товаров (за исключением акциза на соль)⁵. Естественно, они широко пользовались льготами при ввозе в Россию товаров из Средней Азии и даже Британской Индии, на что уже во второй половине XIX в. обращали внимание властей российские предпринимательские круги⁶.

В 1867 г., после создания Туркестанского края, таможенная граница между русскими областями и казахскими округами была упразднена и передвинута на границы России с Бухарским эмиратом. Однако состояние таможенного дела при этом не улучшилось, и проблемы, ранее имевшие место из-за незаконного ввоза в Россию иностранных товаров казахами, продолжали существовать, только теперь подобный ввоз осуществляли бухарцы и хивинцы. Договоры 1873 г., заключенные с Бухарским эмиратом и Хивинским ханством и обеспечившие привилегированное положение русских торговцев в этих государствах, поначалу вызвали крайне резкую реакцию со стороны иностранных держав (в частности, Англии)⁷. Однако уже в конце 1880-х гг. сами англичане констатировали, что переход Бухары и Хивы под российских протекторат и даже постройка Среднеазиатской железной дороги (тоже сыгравшей значительную роль в усилении российского контроля над двумя среднеазиатскими ханствами) вовсе не привели к полному вытеснению английских товаров из региона⁸. Напротив, они продолжали успешно

⁴ Ремез И.А. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Опыт историко-статистического обзора внешней торговли ханства вне сферы таможенного объединения с Российской империей. Ташкент, 1922. С. 30.

⁵ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб., 1901. С. 475.

⁶ См.: Хрулев С. Проект устава Товарищества для развития торговли со Среднею Азиею. СПб., 1863. С. 25.

⁷ См., напр.: Curzon G.N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. London, 1889. P. 189–190.

⁸ Dobson G. Russia's railway advance into Central Asia: Notes of a journey from St. Petersburg to Samarkand. London, 1890. P. 373–374.

конкурировать с русскими товарами благодаря бухарцам и хивинцам, которые практически беспошлинно провозили их в русские области, выдавая за товары местного происхождения⁹. При этом Россия не могла самостоятельно принять мер к решению этой проблемы, поскольку Гандеманский и Шаарский договоры не предусматривали механизмов вмешательства во внутренние дела Хивы и Бухары, в том числе и в экономическом отношении.

Еще в 1880-е гг. отдельные представители имперских властных кругов поднимали вопрос о расширении «таможенной черты», т.е. о выстраивании единой линии таможен, таможенных застав, постов и кордонов на протяжении всех азиатских границ России¹⁰. Для того, чтобы сделать эту черту более эффективной и одновременно менее протяженной, предлагалось включить в нее Хивинское ханство и Бухарский эмират. Однако только в 1891 г. министр финансов И.А. Вышнеградский сумел довести эту инициативу до императора Александра III: предлагалось включить Бухару и Хиву в единую таможенную линию на персидской и афганской границах, а затем постепенно сомкнуть эту линию с китайско-туркестанской¹¹. Получив предварительное одобрение императора, министр отправился в командировку в Среднюю Азию для выяснения ситуации на месте, после чего, вернувшись в Петербург, созвал межведомственное совещание для выработки проекта создания единой таможенной черты — по сути, таможенного союза России, Бухары и Хивы. Участниками совещания стали руководители Министерства финансов, Министерства иностранных дел, Военного министерства, администрации Туркестанского края и русский политический агент в Бухаре П.М. Лессар. Неудивительно, что среди представителей столь разных ведомств, каждое из которых по-своему понимало цели российской политики в Средней Азии, долгое время шли дискуссии о том, в какой форме должно происходить это объединение, и какие преимущества должна получить от него Россия, а какие — ханства Средней Азии.

Так, например, П.М. Лессар, прекрасно знакомый с политической ситуацией в регионе и уровнем экономического развития среднеазиатских ханств, считал, что при включении Бухары в таможенную черту необходимо установить более жесткий контроль российских властей за сбором налогов чиновниками эмира. Соответственно, часть налоговых поступлений можно будет направлять на нужды бухарских подданных (строительство общественных зданий, поддержание дорог и пр.), что отчасти компенсирует повышение цен на ввозимые иностранные товары за счет введения новых таможенных тарифов¹². Естественно, руководство МИДа не могло согласиться с таким предложением, поскольку усматривало в нем превышение условий Шаарского договора и прямое вмешательство в дела Бухарского эмирата (суверенного государства по условиям упомянутого договора).

Руководители Военного министерства придерживались более решительной позиции и призывали отказаться от соблюдения номинальной независимости Бухары и Хивы. По их мнению, следовало принять закон о создании единой таможенной черты и

⁹ Записка П.М. Лессара о внутреннем положении Бухарского ханства и его отношениях с Россией (1895 г.) / Подгот. публ. М.А. Чепелкина / Сборник Русского исторического общества. Т. 5 (153). М., 2002. С. 113–114. См. также: *Логофет Д.Н.* Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. I. СПб., 1911. С. 282–283.

¹⁰ См.: *Ремез И.А.* Указ. соч. С. 30.

¹¹ См.: *Губаревич-Радобильский А.* Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората. СПб., 1905. С. 165–166.

¹² См.: Там же. С. 167–168.

просто-напросто поставить об этом в известность эмира и хана. Сами монархи при этом ничего не потеряют, поскольку за ними сохранится право взимания закята (торгового налога) в прежнем размере 2,5% от стоимости товара. Что касается компенсации бухарскому и хивинскому населению расходов, связанных с повышением цен на ввозимые товары из-за повышения таможенных пошлин на них, то военные не считали ее необходимой: недостаток или высокая цена на иностранные товары будет компенсирована увеличением числа российских товаров, которые будут беспошлинно ввозиться в ханства, чему существенно поможет введение в действие Среднеазиатской железной дороги¹³.

Однако поскольку координацию работы совещания осуществляло руководство Минфина, радикальная точка зрения не была принята. В результате 7 августа 1892 г. императору были направлены предварительные итоги работы совещания, которые он одобрил. В январе 1893 г. бухарский эмир Абдул-Ахад (1885–1910) был приглашен в Петербург для переговоров о предстоящем включении Бухары в таможенную черту Российской империи.

Эти переговоры шли весьма сложно. Прежде всего ко времени визита эмира окончательный проект формирования единой таможенной линии так и не был согласован, деятели каждого ведомства, участвовавшего в совещании, в разговорах с эмиром излагали собственную точку зрения. Во-вторых, по настоянию МИДа переговоры со среднеазиатским монархом следовало проводить в наиболее «деликатной форме», принимая во внимание и его статус суверенного правителя, и положение «личного гостя императора»¹⁴. В результате общения с чиновниками у эмира сложилось мнение, что никакого проекта таможенного объединения пока не существует, и у него всего лишь спрашивают мнения и совета по этому поводу. Неудивительно, что он, будучи весьма консервативным по складу ума и воспитанию, занял резко негативную позицию в отношении предлагаемых преобразований¹⁵.

Лишь в 1894 г. совещанию удалось прийти к единому мнению, и проект устройства «таможенной части в Средней Азии» был внесен на рассмотрение Госсовета, мнение которого было утверждено императором Николаем II 6 июня 1894 г. Согласно п. II этого акта, наряду с таможенными в Туркестанском крае открывались также таможни в Ашхабаде (центр Закаспийской области) (для контроля таможенного дела в Хивинском ханстве), непосредственно в Бухаре (для контроля таможенного дела в эмирате) (п. VI подчинял эту таможню начальнику Туркестанского таможенного округа) и в Келифе, а также ряд таможенных застав и постов. Пункт III оставлял министру финансов инициативу по открытию дополнительных таможенных пунктов вдоль пограничных рек — Пянджа и Амударьи¹⁶.

Фактически это был тот самый закон, на принятии которого настаивало на совещании Военное министерство. Однако объявить его бухарскому эмиру и хивинскому хану российские власти не могли, поскольку это стало бы открытым проявлением того, что Бухара и Хива рассматриваются не как вассалы, а как фактические части Российской империи. Это неизбежно вызвало бы обострение отношений с Великобританией, да и другими иностранными державами, имеющими интерес в Центральной Азии. Поэтому

¹³ Там же. С. 169.

¹⁴ Губаревич-Радобильский А. Указ. соч. С. 169.

¹⁵ Записка П.М. Лессара... С. 114.

¹⁶ Высочайше утвержденное мнение Госсовета об устройстве таможенной части в Средней Азии // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. XIV. СПб., 1898. № 10774. С. 434–435.

начался новый этап переговоров с эмиром Абдул-Ахадом и с хивинским ханом Мухаммад-Рахимом II (1864–1910). На этот раз результат оказался более эффективным, чем во время приезда эмира в Петербург годом раньше.

Убедившись, что включение Бухары в таможенную черту — вопрос решенный, Абдул-Ахад отказался от прежней неуступчивой позиции и выразил намерение «всячески способствовать всеми силами введению в ханстве таможенного объединения»¹⁷. В результате между Российской империей и Бухарским эмиратом было заключено соглашение о включении Бухары в русскую таможенную черту. После принятия Утвержденного мнения Госсовета, 24 июля 1894 г. (5 сафара 1312 г. х.) эмир издал приказ всем региональным правителям-бекам «об оказании всевозможного дружеского содействия русским таможенным властям повсюду, где в пределах бухарских владений будет устроена таможня», о чем сразу же уведомил русского политического агента П.М. Лессара¹⁸. Аналогичным образом было заключено соглашение и с хивинским ханом Мухаммад-Рахимом II, который тогда же, в июле 1894 г. издал соответствующий манифест, в котором сообщал подданным о включении ханства в таможенную черту Российской империи.

Как видим, несмотря на фактический вассалитет Бухары и Хивы, российские власти весьма скрупулезно придерживались политической линии в отношении среднеазиатских ханств как независимых государств, и поэтому решение о включении их в таможенную систему России было не «навязано» местным правителям, а оформлено в виде соглашений с ними. Затем для реализации проекта таможенного объединения и эмир, и хан издали собственные нормативные акты, которыми вводили в действие на территории своих государств нормы Утвержденного положения Госсовета. Эти соглашения являлись результатом переговоров и взаимных уступок, а не только проявлением со стороны России признания номинальной независимости Бухары и Хивы.

После того, как нормативная база для таможенного объединения была создана, стороны приступили к его реализации. Несмотря на то, что новые таможенные структуры (с одновременным упразднением внутренних таможен между Российской империей, с одной стороны, и Бухарским эмиратом и Хивинском ханством — с другой) официально начали действовать с 1 января 1895 г., работа по их созданию началась заблаговременно.

Еще в 1893–1894 гг. на основании решений вышеупомянутого совещания в Санкт-Петербурге генерал-губернатор Туркестанского края А.В. Вревский совместно с Министерством финансов организовал экспедицию, которая осмотрела границы Бухарского эмирата и Хивинского ханства с целью выбора мест для будущих таможенных пунктов¹⁹.

Уже летом 1894 г. в российской прессе появились сообщения о переносе таможни из Самарканда в Новую Бухару и устройстве таможен в Асхабаде и Келифе. Мероприятия в рамках нового таможенного соглашения начались тогда же. В рамках Бухарского эмирата были созданы вышеупомянутые Бухарская и Келифская, а также Керкинская, Патта-Гиссарская таможни и сеть таможенных застав — Бассаргинская, Чушка-Гузарская, Айваджская, Сарайская, Чубекская и Богоракская. Таможенный контроль в Хивинском ханстве обеспечивались Асхабадская и Узун-Адинская таможни, а также Амударьинский таможенный пост²⁰. Ввозить товары отныне можно было только через таможенные

¹⁷ Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 195.

¹⁸ Там же. С. 195–196.

¹⁹ Губаревич-Радобыльский А. Указ. соч. С. 169; Ремез И.А. Указ. соч. С. 35–36.

²⁰ См.: Логофет Д.Н. Указ. соч. С. 287; Бенцелевич Н.А. Водные пути Туркестана. СПб., 1914. С. 83; Ремез И.А. Указ. соч. С. 36.

посты с уплатой сборов и простановкой клейма («тамги») на упаковке товара. Одновременно в обоих ханствах были упразднены многочисленные переправы через Амударью, которые прежде служили источником дохода для ханской казны, поскольку с каждого переправлявшегося взимался сбор²¹.

Пункт II Утвержденного мнения Госсовета определял штат каждой таможни: она состояла из управляющего, двух членов (один из которых являлся казначеем), бухгалтера и выкладчика пошлин (он же — секретарь таможни), пахтаузного надзирателя и двух его помощников, также выполнявших функции переводчиков. Небольшой штат таможен должен был компенсироваться тем, что российская пограничная стража должна была оказывать содействие таможенникам (согласно п. IX Утвержденного мнения). Для этого не понадобилось создавать дополнительной инфраструктуры: еще в конце 1880-х гг. в пограничных регионах Бухарского эмирата стали создаваться русские поселения для размещения гарнизонов, обеспечивающих безопасность границ эмирата с Афганистаном и Британской Индией. Эти гарнизоны при необходимости могли содействовать таможенникам. Со своей стороны, таможенники в рамках своих прямых обязанностей выполняли также ряд функций по охране границ в целом²². В начале XX в. количество таможенных войск было доведено до двух конных бригад, и рассматривалась возможность привлечения к этой службе местных вольнонаемных «джигитов»²³.

Статус новых структур закреплялся в инструкции таможенным начальникам, утвержденной императором Николаем II в 1894 г. В соответствии с ней начальник таможни должен был контролировать ввоз товаров в пределы таможенной черты, препятствовать контрабанде и изымать незаконно ввезенные товары, препятствовать продаже запрещенными товарами (в частности, спиртное, табак и пр.), отмечать на пропускных билетах пункты, через которые надлежало следовать торговым караванам и судам и т.д. К инструкции прилагался список товаров, запрещенных для ввоза из азиатских стран (в первую очередь Афганистана), в Россию, Бухару и Хиву (опиум, наркотики и приборы для их курения, оружие и боеприпасы, водка, конфеты и сахарные сиропы, медная и серебряная российская и иностранная монета), а также запрещенных к вывозу (оружие и боеприпасы). Также устанавливался запрет на ввоз через азиатские таможни европейских промышленных товаров, составляющих конкуренцию русским аналогам. Вместе с тем устанавливался довольно обширный перечень товаров, которые не только можно было ввозить в пределы таможенной черты, но и ввозить беспошлинно (хлеб, зерно, мука, мясо и птица, свежее и кислое молоко, крупный рогатый скот, овцы, козы, лошади, верблюды и ослы, лес, дрова и древесный уголь). Считалось, что это товары первой необходимости и предназначаются для личного потребления, а не для перепродажи²⁴.

Естественно, самым важным вопросом стало установление новых таможенных тарифов. Поскольку целью включения Бухары и Хивы в таможенную черту являлось противодействие проникновению на среднеазиатские рынки товаров, конкурирующих с русскими, наиболее высокие тарифы были установлены на такие товары, как чай, индиго, кисея, которые в большом количестве ввозились в Бухару и Хиву из Британской Индии. Наиболее последовательно протекционистская политика России в рамках таможенного объединения проводилась в отношении чая. Так, на самый ходовой в Средней

²¹ Логофет Д.Н. Указ. соч. С. 292–293; Ремез И.А. Указ. соч. С. 36.

²² Скальковский К. Указ. соч. С. 476; Ремез И.А. Указ. соч. С. 38.

²³ Губаревич-Радобильский А. Указ. соч. С. 172, 173.

²⁴ Бенцелевич Н.А. Указ. соч. С. 85–88; Ремез И.А. Указ. соч. С. 30–31.

Азии зеленый чай была установлена весьма высокая пошлина 14,4 руб. с пуда²⁵. В результате в 1895 г. цена на зеленый чай поднялась с 40 до 50–55 руб. за пуд. Однако со временем российские власти сочли возможным снизить эту ставку в 1901 г. до 12 руб., в результате чего цена на чай стабилизировалась до 42–46 руб. за пуд, да и само количество потребляемого чая возросло в полтора раза²⁶.

Однако эффективность таможенной политики в новых условиях во многом снижалась из-за ряда проблем, связанных с ее реализацией. Одной из главных проблем стало то, что Утвержденное мнение Госсовета и соглашения с Бухарой и Хивой предусматривали создание на границах ханств русских таможен, но отнюдь не упразднение аналогичных институтов самих ханств. Кроме того, эмир и хан расширительно толковали право взимания торгового сбора «закят», сохранявшееся за ними по условиям соглашения. Этот налог, прямо предусмотренный шариатом, имел очень неопределенный объект обложения, что позволяло среднеазиатским правителям злоупотреблять правом его сбора. Европейские путешественники, посетившие Бухарский эмират в 1880-е гг., сообщали, что в Бухарском эмирате в 1870–1880-е гг. существовал ряд, по сути, таможенных постов (на границе, по Амударье, в Таш-Кургане и в предместьях самой Бухары), на которых эмирские чиновники взимали закят с ввозимых в эмират товаров и иного имущества²⁷. После включения в таможенную черту хан и эмир не собирались отказываться от существенного источника дохода. В результате наряду с российскими таможенными постами в тех же местностях функционировали и местные «закятчи», и один и тот же товар фактически облагался таможенным сбором дважды.

Эта проблема сохранялась и много лет спустя после таможенного объединения. В 1910 г. туркестанский генерал-губернатор П.И. Мищенко на особом совещании отметил существование, по сути, «внутренней таможни» в Бухаре, взимавшей сборы даже с российских товаров. Русский политический агент в Бухаре Я.Я. Лютш (Лютич) в ответ на это заявил о несомненной целесообразности отмены подобной практики, но обратил внимание, что для этого «нужны изменения трактатов», т.е. и договоров 1873 г., и соглашений 1894 г.²⁸. Тем самым он еще раз подчеркнул проблему неразработанности правовой базы для регулирования отношений Российской империи с ее протекторатами.

Неудивительно, что среднеазиатские правители и их чиновники чувствовали себя неуязвимыми в правовом отношении и активно пользовались неопределенностью правовой природы закята, проявляя порой неплохое владение юридической казуистикой. Уже в 1914 г. начальник Амударьинского отдела сделал запрос хивинскому хану Исфендиару (1910–1918) по поводу законности сборов его чиновниками с товаров в местности Таш-Сака, на переправе через Амударью, на что получил ответ, что они взимают не таможенный сбор, а законный торговый налог²⁹!

Другая проблема также имела прямую связь с тем, что далеко не все сферы отношений России со среднеазиатскими ханствами были урегулированы действовавшими документами. Так, когда Хивинское ханство вошло в таможенную черту, местная бур-

²⁵ Для сравнения: в европейской части России пошлина на чай составляла 31,5 руб. с пуда, см.: *Губаревич-Радобыльский А.* Указ. соч. С. 171–172. По всей видимости, размер сбора был согласован с российскими производителями чая, которые рекомендовали властям установить ее в размере 14,21 руб.

²⁶ *Губаревич-Радобыльский А.* Указ. соч. С. 172, 175.

²⁷ *Messurier A. le.* From London to Bokhara and Ride through Persia. London, 1889. P. 178.

²⁸ Центральный государственный архив Республики Узбекистан / Ф. И-2 «Канцелярия Русского политического агентства (Бухара)». Оп. 31, Д. 251/29. Ср.: *Логофет Д.Н.* Указ. соч. С. 290–291.

²⁹ См.: *Бенцелевич Н.А.* Указ. соч. С. 83–84.

жуазия заставила хана Мухамад-Рахима II поднять перед имперской администрацией вопрос о том, что подобные действия не предусматривались Гандеманским договором 1873 г. и, следовательно, пора пересмотреть его решения. Поскольку по вине России выросли цены на многие ввозимые в ханство товары, то в виде компенсации следует обложить налогами и сборами самих русских торговцев и производителей на территории ханства, от которых они были освобождены по условиям этого устаревшего договора! Только твердая позиция администрации Туркестанского края, пригрозившей ответными мерами в отношении хивинских торговцев в России, позволила сохранить российским предпринимателям в ханстве привилегированное положение.

Оставалась актуальной и проблема контрабанды, что послужило одной из причин включения ханств в российскую таможенную черту. Высокие пошлины на индийские товары, а также запрет на ввоз европейских товаров через Персию и Афганистан привели к росту незаконного ввоза этих товаров в пределы ханств и даже России. Была создана целая контрабандная сеть, которая поставляла через р. Атрек товары из Персии, имея склады в Хиве, Кунграде и Куны-Ургенче, откуда потом эти товары распространялись по всей Средней Азии. Как отмечал туркестанский чиновник и исследователь Д.Н. Логофет в 1911 г., даже к этому времени власти Туркестана не сумели организовать на границах Бухарского ханства полноценный таможенный кордон между постами Мерчак и Тепели (300 верст) и между Шаугоном и Хорогом (еще 300 верст)³⁰. Неудивительно, что контрабандисты пересекали границы не только поодиночке, но и крупными караванами, сопровождавшимися вооруженной охраной!

Во многом рост контрабанды был связан и с враждебным отношением бухарской и хивинской местной администрации и населения к русским твможенным учреждениям. В 1895 г. П.М. Лессар после таможенного объединения был полон радужных ожиданий, ссылаясь на позицию эмира и его указания подданным о содействии русским таможенникам. Однако уже его преемник на посту политического агента в Бухаре В.И. Игнатъев прямо писал в отчетах, что немногочисленные русские таможенники не могут рассчитывать на содействие бухарцев, которые видят в таможах «стеснение». В 1899 г. министр финансов С.Ю. Витте (один из ревностных поборников таможенного объединения) резко отреагировал на эти отчеты, назвав утверждения Игнатъева голословными³¹. Однако примерно в тот же период времени аналогичную информацию сообщил и туркестанский военный чиновник полковник Н.Н. Юденич³². Неудивительно, что осенью 1917 г., когда Российская империя пала, а новые власти Туркестана стали проводить враждебную политику в отношении Бухары и Хивы, все таможенные здания и сооружения в ханствах были разрушены местным населением³³.

Остается рассмотреть вопрос, насколько выгодным оказалось включение среднеазиатских протекторатов Российской империи в ее таможенную черту. Несомненно, для самой России таможенное объединение оказалось выгодным, несмотря на перечисленные проблемы. Во-первых, был подтвержден привилегированный статус российских предпринимателей в Бухаре и Хиве, что позволило им существенно активизировать деятельность в ханствах³⁴. Высокие пошлины на одни иностранные товары и запрет на

³⁰ Логофет Д.Н. Указ. соч. С. 294.

³¹ Записка П.М. Лессара... С. 124–125, прим. 64.

³² Ремез И.А. Указ. соч. С. 54, прим. 2.

³³ Там же. С. 36.

³⁴ Губаревич-Радобильский А. Указ. соч. С. 175–176.

ввоз других позволил насытить среднеазиатские рынки российскими аналогами — чаем (преимущественно черным, тогда как зеленый продолжали поставлять торговцы из Индии и Китая), текстилем и пр. По некоторым сведениям, российские промышленные товары в начале XX в. составляли более 95% от общего количества на среднеазиатских рынках. Таможенные сборы от товаров, ввозившихся в пределы империи только через бухарские таможи, составляли в начале XX в. 1–1,2 млн. руб. в год³⁵.

Последствия для среднеазиатских ханств по-разному оценивались исследователями. Так, в первые годы после распада СССР, когда основной тенденцией в исторической науке стали обвинения России во всех бедах остальных бывших республик, отдельные узбекские исследователи трактовали включение Бухары и Хивы в таможенную черту как полный запрет местным торговцам вести самостоятельные отношения с иностранными партнерами. Однако, когда антироссийские настроения в науке несколько спали, подобные утверждения стали опровергать сами же узбекские историки: напротив, появились сведения, что бухарские торговцы на рубеже XIX–XX имели весьма широкие связи с партнерами, причем не только в Центральной Азии, но и в Европе (вплоть до Франции и Италии), и даже в США! Включение Бухары в таможенную черту не только не ухудшило их положения, но и позволило в дополнение к основной функции освоить также роль посредников между русскими предпринимателями и их партнерами из государств Центральной Азии³⁶.

Позиции Великобритании и Британской Индии, в частности, на рынках среднеазиатских ханств, несомненно, оказались подорванными³⁷, однако говорить о полном вытеснении их товаров с рынков Туркестана, Бухары и Хивы не приходится. Во-первых, даже несмотря на высокие пошлины, торговля английскими чаем, индиго и кисеей в регионе оставалась выгодной. Во-вторых, после открытия Среднеазиатской железной дороги англо-индийские торговцы получили возможность доставлять товары в Среднюю Азию морским путем из Батума и затем — железнодорожным транспортом в Бухару. Такой путь занимал всего 40–45 дней, а не 6–8 месяцев, как сухопутный через Афганистан или Персию.

Афганистан сначала реагировал на расширение российской таможенной черты жестко: эмир Абдурахман немедленно ввел «ответные» высокие пошлины на российские товары. Но уже в начале XX в., убедившись, что русские даже после введения нового таможенного тарифа (1901) сохранили для центрально-азиатских государств уровень таможенных пошлин в 10 и более раз ниже, чем для европейских, афганские правители сами проявили инициативу в восстановлении торговых отношений. Во многом им удалось добиться этого за счет посредничества бухарских торговцев³⁸.

В заключение следует заметить, что целью включения Бухары и Хивы в таможенную черту Российской империи являлась не только защита интересов российских торговцев и производителей на среднеазиатском рынке, хотя она и стала основным поводом для разработки проекта таможенного объединения трех государств. Уже современники отмечали, что она представляет собой часть комплекса мер по интеграции среднеазиатских государств в имперское политико-правовое пространство, модернизацию полити-

³⁵ Там же. С. 173

³⁶ См., напр.: *Ёров А.Ш.* Бухарский эмират на мировом рынке: Вторая половина XIX — начало XX столетия: автореф. дис... канд. ист. наук. Душанбе, 2005. С. 19–22.

³⁷ См., напр.: *Губаревич-Радобильский А.* Указ. соч. С. 105–106.

³⁸ *Логофет Д.Н.* Указ. соч. С. 288–289. См. также: *Ремез И.А.* Указ. соч. С. 31.

ческой и экономической сфер Бухары и Хивы. Так, например, П.М. Лессар еще во время совещания 1891–1893 гг. рассматривал создание единой таможенной черты как часть общей российской политики в Средней Азии. Туркестанский чиновник А.Ф. Губаревич-Радобильский подчеркивал, что с помощью таможенной черты российским властям удалось уточнить «рыхлые границы» Русского Туркестана³⁹. Таможенное объединение рассматривали как первый шаг на пути дальнейшего включения Бухары и Хивы в состав России — в частности, введения на их территории российской валюты, вхождения вооруженных сил эмирата и ханства в состав российской армии и т.д.⁴⁰

Несомненно, включение Бухары и Хивы в российскую таможенную черту стало новым этапом в развитии отношений империи со среднеазиатскими ханствами, обеспечив большее влияние России на их внутреннее развитие (при сохранении юридической независимости обоих ханств и учете их интересов). Именно эта черта, на наш взгляд, и позволяет рассматривать таможенное объединение в конце XIX в. как результат межгосударственного соглашения, а не навязывания Россией своей воли собственным вассалам и, тем самым — до некоторой степени как своего рода прообраз современного Таможенного союза.

Библиография

Бенцелевич Н.А. Водные пути Туркестана. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1914. XIV, 249 с.

Высочайше утвержденное мнение Госсовета об устройстве таможенной части в Средней Азии // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. XIV. СПб.: Типография II отделения собственного Его императорского величества канцелярии, 1898. № 10774. С. 434–435.

Губаревич-Радобильский А. Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората. СПб.: Киришбаум, 1905. 201 с.

Ёров А.Ш. Бухарский эмират на мировом рынке: Вторая половина XIX — начало XX столетия: Автореф. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2005. 26 с.

Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Петроград.: Типо-литография Н.И. Евстифеева, 1915. XII, 215 с.

Записка П.М. Лессара о внутреннем положении Бухарского ханства и его отношениях с Россией (1895 г.) / Подгот. публ. М.А Чепелкина // Сборник Русского исторического общества. Т. 5 (153). М.: Русская панорама, 2002. С. 96–126.

Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. I. СПб.: Издание В. Березовского, 1911. 340 с.

Ремез И.А. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Опыт историко-статистического обзора внешней торговли ханства вне сферы таможенного объединения с Российской империей. Ташкент: ЦСУ Туркеспублики, 1922. 116 с.

Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав / 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1901. XVI+682 с.

Соболев М.Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск: Типо-литография Сибирского товарищества издательского дела, 1911. 850 с.

Хрулев С. Проект устава Товарищества для развития торговли со Среднею Азиею. СПб.: Типография главного артиллерийского управления, 1863. 48 с.

Центральный государственный архив Республики Узбекистан // Ф. И–2 «Канцелярия Русского политического агентства (Бухара)». Оп. 31, Д. 251/29 // zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de (дата обращения: 25.03.2016)

³⁹ См.: Губаревич-Радобильский А. Указ. соч. С. 166–167, 172.

⁴⁰ Скальковский К. Указ. соч. С. 476.

Curzon G.N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. London: Longmans, Green and Co., 1889. XXIV+477 p.

Dobson G. Russia's Railway Advance into Central Asia: Notes of a Journey from St. Petersburg to Samarkand. London: Allen and Co., 1890. XXIII+439 p.

Messurier A. le. From London to Bokhara and Ride through Persia. London: Bentley, 1889. XVI+318 p.

Inclusion of Bukhara Emirate and Khiva Khanate into the Customs System of the Russian Empire (1895)

Roman Yu. Pochekaev

Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, St. Petersburg Branch of the National Research University Higher School of Economics. Address: 16 Pechatnikov Str., St. Petersburg, 190008, Russian Federations. E-mail: ropot@mail.ru.

Abstract

The paper is devoted to the process of inclusion of two Central-Asian protectorates of the Russian Empire into the Russian customs-line between 1894 and 1895. The causes of this decision emerged as early as at the beginning of the 19th c.. The process of working on this project as well as discussions of different Russian ministries, central and regional (Turkestan) authorities, preliminary research and issuing special legal acts are analyzed. Special attention is paid to the procedure of conforming the decision with Emir of Bukhara and Khan of Khiva as they still remained *de-jure* independent rulers, and to issuing special own acts on including their states into the Russian customs system. The author examines the measures of the Russian authorities on the implementation of customs unification of the Russia, Bukhara and Khiva (including the creation of customs outposts, forming customs guards etc.) and the problems which took place — such as “internal customs-line” of Bukharans and Khivans, increase of contraband goods on the markets of Bukhara, Khiva and Russian Turkestan. Attempts to solve such problems were ineffective until the fall of the Russian Empire because of insufficient legal base on relations between the Russian Empire and its Central-Asian protectorates. Finally, the consequences of including Bukhara and Khiva into the imperial customs-line are evaluated — for Russia, Bukhara and Khiwa as well as for foreign countries (Afghanistan, Persia, British India etc.). Under the author's opinion the integration of Bukhara and Khiva into customs space of the Russian Empire as an example of predisposition of Eurasian states, regions and peoples to the economic integration which became apparent in different epochs and in different forms. This integration could be considered to a certain extent as prototype of the Customs Union of today. Hence, studying historical experience of economic integration of Eurasia is topical and necessary.

Keywords

Russian Empire; customs-line; Bukharan Emirate; Khivan Khanate; foreign trade; customs duties; protectorate.

Citation: Pochekaev R.Yu. (2016) Inclusion of Bukhara Emirate and Khiva Khanate into the Customs System of the Russian Empire (1895). *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 3, pp. 172–184 (in Russian)

DOI: 10.17323/2072-8166.2016.3.172.184

References

Bentselevich N.A. (1914) *Vodnye puti Turkeстана* [Water ways of Turkestan]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva petei soobscheniya, XIV+249+VIII p.

Central'niy gosudarstvenniy arhiv Respubliki Uzbekistan, F. 1–2 «Kantselyariya Russkogo politicheskogo agentstva (Bukhara)», op. 31, d. 251/29 [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan, fund 1–2 “The Chancellery of the Russian Political Agency (Bukhara), inv. 31, file 251/29]. Available at: zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de.

Curzon G.N. (1880) *Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question*. London: Longmans, Green and Co., XXIV+477 p.

Dobson G. (1890) *Russia's railway advance into Central Asia: Notes of a journey from St. Petersburg to Samarkand*. London; Calcutta: W. H. Allen and Co., XXIII+439 p.

Gubarevich-Radobyl'skiy A. (1905) *Ekonomicheskiy ocherk Buhary i Tunisa. Opyt sravnitel'nogo issledovaniya dvuh sistem protektorata* [Economical essay on Bukhara and Tunis. Essay on comparative research of two protectorate systems]. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma, 201 p.

Khrulev S. (1863) *Proekt ustava Tovarishhestva dlya razvitiya torgovli so Sredneyu Azieyu* [The project of Statute of Company for development of trade with the Central Asia]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo artilleriyskogo upravleniya, 48 p.

Lessar P.M. (2002) Zapiska o vnutrennem polozhenii Buharskogo hanstva i ego otnosheniyakh s Rossiey (1895 g.) / Podgot. publ. M.A.Chepelkina [M.A. Chepelkin (ed.) Note of P.M. Lessar on domestic position of Bukharan Khanate and its relations with Russia (1895)]. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*. T. 5 (153). Moscow: Russkaja panorama, pp. 96–126.

Logofet D.N. (1911) *Buharskoe hanstvo pod russkim protektoratom* [Bukharan Khanate under the Russian protectorate]. T. 1. St. Petersburg: Izdanie V. Berezovskogo, 340 p.

Messurier A. le. (889) *From London to Bokhara and ride through Persia*. London: Richard Bentley and Son, XVI+318 p.

Remez I.A. (1922) *Vneshnjaya torgovlya Buhary do mirovoy voyny. Opyt istoriko-statisticheskogo obzora vneshney torgovli hanstva vne sfery tamozhennogo ob'edineniya s Rossiyskoy imperiey* [Foreign trade of Bukhara before the World war. Essay on historical-statistical survey of foreign trade of the khanate outside the field of the customs unification with the Russian Empire]. Tashkent: CSU Turkrespubliki, 71+45 p.

Skal'kovskiy K. (1901) *Vneshnyaya politika Rossii i polozhenie inostrannykh derzhav / 2-e izd., pererab. i dop.* [Foreign policy of Russia and position of foreign states, 2nd ed., rev. and suppl.] St. Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina, XVI+682 p. (in Russian)

Sobolev M.N. (1911) *Tamozhennaya politika Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [Customs policy of Russia during the second half of the 19th century]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarischestva izdatel'skogo dela, VI+850+XXVI p. (in Russian)

Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gossoveta ob ustroystve tamozhennoy chasti v Sredney Azii [Opinion of the State Council on creation of customs system in the Central Asia approved by the Emperor]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Sobranie III. T. XIV. St. Petersburg: Tipografiya sobstvennoy Ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1898, no. 10774, pp. 434–435.

Yorov A.Sh. (2005) *Buharskiy emirat na mirovom rynke: Vtoraya polovina XIX — nachalo XX stoletiya. Avtoref. ... kand. ist. nauk* [Bukharan Emirate on the world market: Second hlf of the 19th — beginning of the 20th century]. Dushanbe, 26 p.

Zhukovskiy S.V. (1915) *Snosheniya Rossii s Buharoy i Hivoy za poslednee trehsotletie* [Relations of Russia with Bukhara and Khiva during last the hundred years]. Petrograd: Tipo-litografiya N.I. Evstifeva, XII+215 p. (in Russian)